

— Я же просил тебя вчера. Не забудь.

После этого Ху Цинлянь почти не произносил ни слова. Он боялся сболтнуть лишнего, поэтому отвечал лишь тогда, когда Сюй Мучжоу о чем-то спрашивал.

К удивлению Ху Цинляня, второй молодой господин Сюй оказался весьма общительным. Его речь была столь мягкой и приятной, словно он пришел не в брачную опочивальню, а на встречу со старым другом.

К примеру, когда Сюй Мучжоу спросил его о месте рождения, Ху Цинлянь, не до конца понимая намерения этого человека, не решился ответить сразу. Он тщательно обдумал поддельные документы, выданные ему старшим господином, и, убедившись, что в них нет изъянов, медленно произнес:

— Я родом из городка Юньшуй, что в провинции Сяннань.

Сюй Мучжоу лишь естественно кивнул — по его лицу невозможно было сказать, размышлял он над ответом или нет. Он принялся расхваливать Юньшуй, называя его прекрасным краем, и упомянул, что тамошнее блюдо из крабов и рыбы пяти видов славится на всю страну. Он поинтересовался, не сможет ли Ху Цинлянь как-нибудь приготовить его, чтобы угостить его чем-то необычным.

Хотя место рождения Ху Цинляня было вымышленным, упомянутое блюдо действительно являлось знаменитостью Сяннаня, и многие умели его готовить. Поскольку Ху Цинлянь с детства вел хозяйство, он был вполне уверен в своем кулинарном мастерстве. К тому же, раз глава дома высказал пожелание, то у него, в роли наложника, не было причин для отказа, и он охотно согласился.

Луна поднялась в зенит, пришло время отходить ко сну. Ху Цинлянь изо всех сил старался выглядеть обворожительным, желая услужить Сюй Мучжоу и помочь ему улечься. Но, как ни странно, хотя Сюй Мучжоу не отказывался прямо и не выказывал явного холода, любые попытки Ху Цинляня проявить нежность и заботу ловко сводились на нет. Его мягкость не находила применения, оборона Сюй Мучжоу оставалась нерушимой, а сам Ху Цинлянь даже не заметил, как оказался у того на поводу.

Когда он пришел в себя, они уже лежали в постели, одетые, каждый под своим одеялом.

Сюй Мучжоу немного полежал с закрытыми глазами, а когда наступил час свиньи, поднялся, накинул верхний халат и вышел за дверь.

Внутренний двор, засаженный бегониями, был залит серебристым лунным светом. Ночной воздух был прохладным, но приятно охлаждал лицо. Пройдя по галерее, в самом ее конце он заметил сжавшуюся в комок фигуру. Сюй Мучжоу сразу узнал Чжуан Бая и, не торопясь, подошел к нему:

— Я же просил тебя больше не приходить сюда.

Услышав голос Сюй Мучжоу, Чжуан Бай радостно обернулся, но, заметив на плечах того свадебный халат, тут же надулся — эта одежда была до того глазастой, что смотреть на нее было больно.

— Хм! Ты спишь в одной постели с другим, как я могу после этого уснуть? Если я не буду ждать у твоих дверей, куда мне еще деваться? — недовольно проворчал Чжуан Бай.

Сюй Мучжоу тихо вздохнул. Не отвечая на его выпад, он сел на каменную скамью под навесом и указал на свой халат:

— В комнате не было другой одежды, пришлось надеть это, чтобы укрыться от ветра.

Чжуан Бай вдумался в эти слова, и на его лице невольно расцвела улыбка. Сюй Мучжоу был именно таким — он умел читать людские души и видел всё насквозь. Если у кого-то портилось настроение, он мгновенно находил причину и мог так же легко заставить человека улыбнуться, если сам того хотел. Эта невозмутимость, смешанная с легкой, лукавой игрой на чувствах — именно за это Чжуан Бай всей душой любил Сюй Мучжоу.

Присев на скамью вплотную к нему, Чжуан Бай подался вперед, подпер подбородок рукой и дважды моргнул:

— Завтра наступает день выплаты компенсаций за погибший урожай. Дядя Цзун просил мне напомнить тебе об этом.

У Чжуан Бая были удивительно красивые глаза — типичные лисьи, с выразительными припухлостями под нижними веками. Когда Сюй Мучжоу только подобрал его, при взгляде на это лицо в его душе сразу зародилась мысль: этот человек наверняка очень хитрый. И дело было не в том, что Сюй Мучжоу судил по внешности — если в красоте Чжуан Бая было десять частей, то пять из них составляла врожденная хитрость. Однако стоило ему улыбнуться, как он становился невероятно милым. По выражению Сюй Мучжоу, это был жадный лисенок.

— Тогда передай дяде Цзуну, что всё остается в силе: пусть возьмут серебро из запасов и проследят, чтобы каждая крестьянская семья получила компенсацию в полном объеме, — неспешно произнес Сюй Мучжоу.

Под светом луны его отстраненность и спокойствие казались еще более величественными.

Чжуан Бай скривил губы и отвернулся:

— Не пойду.

Сюй Мучжоу тихо вздохнул, махнул рукой и сделал вид, что собирается встать:

— Что ж, тогда я схожу сам.

— Ой-ой, пойду я, пойду! — Чжуан Бай вскочил и придвинулся к Сюй Мучжоу. — Хм, ты всегда находишь способ меня приструнить.

Сюй Мучжоу понимал, что он все еще злится из-за появления наложника. Хотя, если разобраться, у Чжуан Бая не было никаких оснований устраивать сцены, но Сюй Мучжоу не хотел углубляться в это.

— Тогда с тебя компенсация, — Чжуан Бай не упускал своей выгоды.

— Какая компенсация? — спросил Сюй Мучжоу.

— Хм... пока не придумал, — жадный лисенок одарил его лукавой и сладкой улыбкой, отчего на правой щеке проступила ямочка. — Запиши на мой счет. И не вздумай отнекиваться.

Чжуан Бай уже собрался уходить, но Сюй Мучжоу окликнул его:

— Если завтра случится что-то непредвиденное, поручаю тебе присмотреть за делами в этом дворе.

У Сюй Мучжоу было дурное предчувствие.

К слову, Сюй Мучжоу стал Сюй Мучжоу четыре года назад по воле случая. Изначальный второй господин Сюй был болезненным и слабым ребенком, и все лекари в один голос твердили, что он не доживет до шестнадцати лет. К тому же, он был рожден от случайной связи отца, Сюй Хуаня, со служанкой, поэтому его положение в семье было незавидным. Из-за слабого здоровья его отправили из столицы в округ Сялян. Говорили, что в шумной столице ребенку не поправиться, а Сялян с его горами, чистыми водами и простыми нравами — лучшее место для восстановления сил.

<http://bllate.org/book/18908/1848933>